

Ксения НАГАЙЦЕВА окончила Московский государственный лингвистический университет. В настоящее время — преподаватель Московского государственного технического университета имени Баумана, аспирантка Государственного социально-гуманитарного университета. Член Союза писателей России, Союза журналистов России, Международной федерации журналистов. Лауреат литературного конкурса «Светить всегда!» им. В. Маяковского 2013 года в номинации «Поэзия». Лауреат Литературного турнира «Король поэтов — 2013» (по версии МГО СПР). Обладатель Гран-при Международного поэтического конкурса «Литературный пикник в Переделкино» (2013 года). Дипломант конкурса «Лучшая книга года — 2014» (МГО СПР). Государственный стипендиат Министерства культуры РФ (Президентская стипендия) 2014 и 2015 годов.

* * *

Идѣшь недалеко, но где же ты?
 О, господи, печаль моя и ревность,
 богатства прорастают как цветы,
 и стебли их — божественная бренность.
 Божественная бренность — человек,
 широкий, затянувшийся в лиане,
 но сыплет на дороги жаркий снег,
 а я иду в торжественном тумане.
 Не знаю это отчество, скажи,
 пока мой путь ничем не обозначен,
 и пальцы воссияют как ножи,
 а след тот неразборчив... или алчен...
 Идѣм ли мы, родное существо,
 ведут ли нас — никто не отвечает:
 ответчика изъяло естество,
 но их названий он не различает.

Винишь его, похвалишь ли, найдёшь:
тот путь ни для кого не прекратится,
и прыгнет он, кусачий, словно вошь,
чтоб нам с тобою не остановиться.
Божественна задумка, бренна лень,
с которою тебя держусь и таю,
и, впадши у богатства в жёлтый плен, —
у ног твоих цветком произрастаю.

* * *

Ты не знаешь, что есть эта область вдали,
где бываю желанным я гостем:
где идут, и идут,
и идут февраль,
опьянённые кожей и костью,
где все ангелы спят, утомившись от дел,
и не помнят какого-то бога
и стоит бесподобная крепкая ель
на рифмованном кончике слога —
там хожу февралём
вкруг от самых корней,
и тяжёлые, будто бы груши,
выпадают из ангельских перьев ко мне
в них случайно попавшие души...

Больше нет ничего: лишь древесный покой,
февраль и крылатые люди!
...Я касаюсь той области этой строкой,
а иной — никогда и не будет...

* * *

Очень мне дорого —
то, что зовётся памятью:
её содержимое —
ты, безответный вопрос.

Сегодня пустыни покроются влажною наледью,
 снесёт пирамиды воскресший, безумный Хеопс,
 Москва, повидавшая виды, сопьётся и скатится,
 я выйду решать иероглифы улиц и лиц —
 на площади мятой, как звёздное красное платье,
 в оборках гостиниц и сомкнутых ночью ресниц,
 сегодня в копилку ещё одно семечко брошено,
 от стука такого — столица рассыплется в прах.
 Храню о тебе я, о боже, так много хорошего,
 терять же всё это — о, дьявол! — панический страх.

То грозная смесь, это древнеегипетский обморок,
 и в центре одной из моих нелюбимых столиц —
 бежать, исчезать, уезжать...
 и желательно скоро — так,
 ну как лишь возможно бежать
 от проклятия древних гробниц.

Теперь слишком поздно жрецов умолять о лечении:
 опять пирамиды в руинах, и камня на камне там нет.
 А в памяти — ты, над тобою — ночное свечение,
 над светом сегодня — карающий памятью Сет.

* * *

Тяжёлое небо закатится в горы
 испуганным глазом под грешное веко,
 священные бросив на небе просторы...
 Он выйдет сюда — чтоб судить человека:
 судья в облачении верном и страшном,
 опершись стопой о великое море,
 поднимет под небо огромную чашу,
 до края кипит что пороком и горем.
 Так будут очищены земли и воды,
 густые леса и скалистые глыбы,
 лишь грешные души на вечные годы

останутся гнить, словно мёртвые рыбы.
Господь судит верно: святому — награда.
Господь справедлив: милосердный — спасётся.
...А жизнь — это только преддверие ада
для грешника, что одинок остаётся.
Ты будешь один, скорбный дух — на коленях.
Его справедливость, поверь, всемогуща:
исчезнешь навек, растворившийся в пене,
в волне, омывающей райские кущи.

Прошу, о Господь милосердный, не стоит
спешить собирать нас на суд справедливый!
Пусть каждый последнее слово готовит —
свернувший с дороги... и благочестивый.

* * *

Когда-нибудь в трамвае ты уснёшь,
вздыхнув: «Увези меня отсюда!»
Не важно, что случится: снег ли, дождь,
многоколёсная поедет эта груда,
и ты уснёшь внутри неё, как винт,
уставший от бессмысленной работы:
теперь ты человек, который спит,
и сны твои разбиты, словно соты,
на равные куски резьбой колёс,
разрезаны и склеенные мёдом
(не важно, из чего: цветов ли, слёз) —
ты спишь и едешь к тем медовым водам.

Всё потому, что нужно отдохнуть,
и тело полосатое трамвая
трудягу-человека в этот путь
везёт, усами провод обрывая,
искрит, и, завалившись на бока,
подпрыгивает тот трамвай-тудяга:

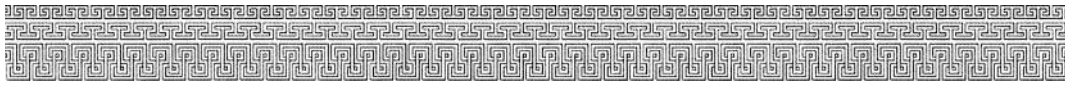
неважно, что случится, но пока
ту пчелку из железа тянет тяга,
пока всё спит бедняга-пассажир...
Но, наконец, доехав (скажем — к другу),
пчелой разбуженной он выйдет в этот мир,
другой войдёт в трамвай... И так — по кругу.

* * *

Разбитый слух
небесной трубкой бьётся,
но это не приводит ни к чему,
и с провода её вот-вот сорвётся
едва лишь различимое «му-му»...
Но вот, услышав неземное чудо,
спустя часы томительных гудков,
я встану пастухом у края пруда
священных выпасти,
о боженька, коров.

Чтоб не общаться больше нам
по тусклой трубке —
кладу её, как порванную нить,
и длинных языков коровьи губки
ту воду будут впитывать и пить,
так высохнет вся жизнь:
пастух заплачет,
проходит жажда — высыхает пруд,
бессмысленной коровой, не иначе,
пастуший этот обернулся труд,
но глупое животное — священо!
О боженька, ты всё предусмотрел:
пастух — один среди коровьих тел,
и стадо его топчет непременно.

* * *

Стемнели снова улицы, и вот
певцы сладкоголосые на смену
выходят и вступают на живот
так, будто бы на оперную сцену.
Танцуют эти пальчики-юнцы,
поют своё раскаянье и робость:
на них — надеты лёгкие венцы,
на мне — тяжёлый
и бесцветный волос...
Прости-прощай: кладу тебе букет,
раз спутала обиду с вдохновеньем!
...На сцене возбуждается паркет,
начавшись
непристойным представленьем.